

ЯЗЫКОВОЙ КРОССИНГ КАК ФОРМА ПОЛИЯЗЫЧНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Е.А. Найман

Аннотация. Исследованы процесс языкового кроссинга и проблемы, связанные с ним. Задача статьи – продемонстрировать эффективность социолингвистического анализа при рассмотрении дискуссионных социологических вопросов, касающихся расы, этничности, социализации и языковой идентичности. Языковой кроссинг является феноменом человеческой истории и культуры. Бен Рэмpton определяет его как практику использования языкового варианта чужой социальной группы. Данный феномен включает широкий диапазон социолингвистических практик и пересекается с такими процессами, как «стилизация», «кодовое переключение» и «кодовое смешение». В данной статье языковой кроссинг рассматривается в контексте теории «лиминальности» В. Тернера, «еретического дискурса» П. Бурдьё и «метафорического кодового переключения» Дж. Гамперца. Одна из важных задач статьи – объяснение мотивации людей, использующих «чужие» языковые варианты. В основу анализа положены новейшие исследования по языковому кроссингу молодежных групп в Великобритании и США, включающих в свою речевую практику пенджаби, азиатский и афроамериканский английский. Особое внимание обращено на функции языкового кроссинга. Молодые люди используют смешанные коды, протестуя против расовых границ и утверждая новые формы этничности. Языковой кроссинг становится практикой, направленной против расизма и воплощающей стремление молодежи к изменению своей идентичности. Подчеркивается, что в настоящее время происходит существенный поворот в оценке кроссинга. Если раньше он связывался исключительно с молодежной культурой, то сейчас воспринимается как часть современного городского полиязычного вернакуляра.

Ключевые слова: социолингвистика; языковая идентичность; языковой кроссинг; стилизация; кодовое переключение; кодовое смешение; лиминальность; еретический дискурс.

Введение

В последнее время в исследованиях по многоязычию и билингвизму наблюдается резкий поворот от анализа обычных кодовых переключений к изучению способов манипулирования многоязычными ресурсами, находящимися в распоряжении носителей языка. В основе этого поворота – указание на необходимость описания языка исходя из локального знания о его значимости для людей, связанных общим контекстом.

Современная социолингвистика все чаще сосредоточивает свое внимание на новых нестандартных формах языкового смешения многоязычного коммуникативного поведения, для которых в последнее вре-

мя создается самая разнообразная и изощренная терминология, выраженная в понятиях «поли-язычия», «метро-язычия», «транс-язычия», «транс-идеоматических практик» и других. В этом же ряду расположено понятие «языковой кроссинг» (language crossing), которое во многом инициировало интерес социолингвистики к современным гибридным формам городского многоязычия.

Возникновение гибридных языков – результат языкового контакта в условиях стремительной урбанизации и объединения стилей жизни различных этнических сообществ и культур. Молодежь, захваченная этим переходным процессом, ищет возможности вырваться из сетей традиционных сообществ и найти новую глобальную урбанистическую городскую этничность.

В связи с этим возникает потребность не столько описывать системные свойства языков в многоязычных сообществах, сколько научиться анализировать их совместное приспособление в процессе межличностного взаимодействия. Лингвистика стремится исследовать многочисленные языковые возможности, используемые людьми в процессе творческих игровых преобразований своей идентичности. Теоретический фокус смещается в сторону описания нестандартных ситуаций, включающих сложный набор языковых, культурных, этнических и географических факторов. «Языковой кроссинг» – одно из важнейших понятий, говорящих о состоянии гибридности и игры. Оно описывает процессы индивидуалистического самоутверждения и политической эмансипации, направленные на частичное разрушение привычных связей между языком, этничностью и национальным государством.

Методология

Основная задача статьи, наряду с экспликацией теории языкового кроссинга, состоит в критическом анализе данного вида речевого поведения, а также привлечении внимания к современным особенностям социальных взаимодействий, превращающих маргинальную возрастную полиязычную практику в один из основных созидательных механизмов образования гибридных языковых форм многоязычного города.

Главными методологическими основаниями статьи послужили концепция кроссинга Б. Рэмптона, а также социолингвистические исследования Б. Рэмптона, Р. Хьюита, К. Катлер, М. Бухольц и И. Чун. Кроме того, для теоретического анализа использованы концепции «лиминального пространства» В. Тернера, «двуголосового слова» М. Бахтина, «еретического дискурса» П. Бурдые и «метафорического кодового переключения» Дж. Гамперца. При анализе современного состояния кроссинга привлекается критико-конструктивистская социолингвистика, связанная с радикальным изменением исследовательского подхода к

феномену многоязычия, в рамках которого язык рассматривается как социальная практика говорящего, использующего все виды языковых ресурсов ради достижения коммуникативных целей, а также исследуются процессы языкового смешения многочисленных кодов в различных глобализационных контекстах.

Теоретические основания и классические исследования

Понятие «кроссинг», или «кодовый кроссинг», введенное в обращение английским социолингвистом Беном Рэмптоном в середине 1990-х гг., определяется как практика использования языкового варианта чужой группы. Данный феномен предполагает модель поведения, имеющую две отличительные особенности. Во-первых, говорящий перестает употреблять свой обычный языковой код и в течение некоторого времени начинает применять непривычный и малодоступный чужой языковой вариант. Во-вторых, такое языковое заимствование наблюдается в нестандартных пограничных ситуациях межличностного общения (в основном подросткового), когда жесткие нормы социального взаимодействия ослаблены, а идентичности размыты: перепалках, играх, ритуальных правонарушениях, особых случаях межполового общения и т.д.

Кроссинг происходит в переходных состояниях между признанными и стабильными пространствами, вызывая к использованию символических средств ради стабилизации социального порядка. Переключение на язык с высокой символической ценностью – один из способов демонстрации социального единства. Носителями кроссинга выступают «лиминоиды» – пороговые личности, которые «ни здесь, ни там, ни то, ни се; они – в промежутке между положениями, предписанными и распределенными законом, обычаем, условностями и церемониалом» [1. С. 169]. Рэмптон отмечает, что заимствование чужого кода зачастую случается в таких «лиминальных пространствах», как школьная игровая площадка, которая, несмотря на расположение в пределах школьной территории, свободна от привычных норм общения в классе.

В таких случаях кроссинг можно считать разновидностью «метафорического» переключения Дж. Гамперца, создающего за счет кратковременной смены кода новые неожиданные контексты, в отличие от продолжительного «ситуативного» переключения в стабильных и привычных контекстах. В этой связи вспоминается и ситуация «двуголосового слова» М. Бахтина, при которой говорящий использует дополнительный дискурс (или язык) в направлении собственных устремлений, т.е. «вкладывает новую смысловую направленность в слово, уже имеющее свою смысловую направленность и сохраняющее ее. При этом такое слово, по заданию, должно ощущаться как чужое. В одном слове оказываются две смысловые направленности, два голоса» [2. С. 212].

Несомненно, что кроссинг можно рассматривать как разновидность языковой стилизации, при которой говорящие умышленно преувеличивают языки, диалекты и стили, не свойственные их повседневному репертуару. Однако кроссинг – наиболее сильное преодоление социальных границ по причине абсолютной противоестественности языковых вариантов для говорящих, использующих их. Кроссинг включает широкий спектр социолингвистических практик: использование престижных кодов языкового меньшинства; внеконтекстуальное копирование чужих языковых средств; уничижительное и глумливое подражание иностранному акценту и др.

Кроссинг и стилизация столь же древние, как и сама человеческая речь. В конце концов, современные европейские языки возникли довольно поздно и стали широко употребляться лишь в XIX–XX вв. К примеру, знаменитые письма Моцарта к своей сестре представляют собой вычурную игровую смесь немецкого, итальянского и французского. Однако масштабы этих явлений существенно увеличились в эпоху культурной глобализации, которая предлагает преимущественно молодым людям необыкновенно широкий диапазон языкового выбора. Вследствие этого пересматривается традиционная концепция языковой социализации. Согласно последней, личность должна стать компетентным членом целостной социокультурной группы, разделяющей единые языковые нормы. Мэри Луиза Пратт назвала такой подход, популярный в 1970–1980-е гг., «лингвистикой сообщества», которому противопоставила «лингвистику контакта»: 1) сместившей фокус языковых исследований с кооперации на импровизацию, конфликт и сопротивление; 2) изучающей не столько воздействие семейной социализации, сколько медийной культуры; 3) наблюдающей не столько за внутригрупповым общением, сколько за языковым поведением, преодолевающим социальные границы [3. С. 286]. В этом отношении работы Рэмптона по «кроссингу» полностью отвечают потребностям «лингвистики контакта», поскольку сосредоточены на контекстуальных взаимодействиях, словесной игре и популярной культуре. Английский социолингвист отходит от идеи жесткой определенности языковой идентичности этнонациональным и территориальным контекстом, сосредотачиваясь на практиках идентификации, преодолевающих языковые границы.

Первые исследования по кроссингу проводились в 1980-е гг. Роджером Хьюитом [4] и Беном Рэмптоном [5]. Хьюит, наблюдая за использованием белыми (англичанами по происхождению) подростками креоля, или *Afro-Caribbean English Creole*, который в Великобритании называют «Патуа» (речевой вариант иммигрантов с Карибских островов), обнаружил, что для подростков данный языковой вариант выступал важным средством адаптации к некоторым аспектам черной

культуры. Рэмптон в 1984 и 1986 гг. также изучал речь 60 подростков (11–16 лет) в многонациональном английском городе Саут-Медлендс. Кроме белых, в выборку были включены азиаты (пакистанцы, индусы) и афро-карибы, родившиеся в Великобритании. Языковыми вариантами кроссинга были: Патуа, азиатский английский и пенджаби. Подростки использовали кроссинг в разговорах со взрослыми, сверстниками, а также слушая «бхангру» (популярный стиль индийской музыки).

Патуа оказался самым привлекательным языковым вариантом для молодежи всех этнических групп. Его использование было связано с проявлением доминирования, языкового творчества и сопротивления авторитету. Рэмптон полагает, что кроссинг в этом сообществе выполняет функцию противодействия власти взрослых и знаменует принятие подростками *иной* идентичности. А вот азиатский английский имел для подростковой жизни совершенно противоположное социальное значение, индексируя вежливость и лояльность. Его употребление означало дистанцирование от основного протестного вектора подростковой жизни, символизируя исторический переход иммигрантов в русло британской культуры.

Согласно исследованиям, в среде подростков обнаружена самая высокая концентрация кроссинга. В любом сообществе люди разных возрастов заимствуют сленг у представителей других этнических групп, но присвоение целого кода с фонологией, лексикой и синтаксисом – прерогатива подростков. Хьюит указывает, что большинство молодых людей, использовавших креоль, прекратили его употребление, достигнув шестнадцатилетия. Это объясняется нацеленностью подростковых групп на инновативные и нестандартные языковые формы. Поведение афро-кариба в английской школе, использующего Патуа при разговоре с учителем, будет выглядеть вызывающим и за это может последовать наказание. Креоль стигматизирован, а потому карибские подростки избегают говорить на нем в школе. Хьюит отмечает, что креоль в речи белых воспринимается учителями как «тайный язык», направленный на подрыв их авторитета. У Рэмптона белые подростки часто обращались к родителям на азиатском английском.

Хьюит и Рэмптон утверждают, что креоль не употреблялся белыми в присутствии афро-карибов. Они делали это лишь в разговорах с белыми сверстниками, а азиатские мальчики общались на креоле с афро-карибскими девочками, но при этом почти не говорили на нем в присутствии юношей этой национальности. Хьюит подчеркивает сильную негативную реакцию афро-карибов на присутствие фонологических элементов креоля в речи белых. Это объясняется тем, что фонология тесно связана с членством в этнической группе и зачастую умышленно избегается азиатскими и британскими детьми в компании черных [4. С. 152]. Интересно, что подобное не наблюдается при стилизации азиатского английского, когда фонология выступает ключевым фактором переключения [5. С. 68].

В обоих исследованиях отмечается, что юноши прибегают к услугам кроссинга значительно чаще, чем девушки. Вместе с тем Рэмптон регистрирует высокий уровень употребления пенджаби белыми девушками в ситуации прослушивания бхангры. Исследователь приводит любопытный случай английской девочки, которая начала восторгаться музыкой бхангры в присутствии индийских сверстниц и была ими демонстративно проигнорирована. Многим индийским подросткам не нравится, когда белые проявляют повышенный интерес к «их» музыке.

Вполне разумно предположить, что максимально вовлечены в кроссинг те, кто имеет тесные дружеские связи с представителями других этнических групп. Хьюит обнаружил, что белые подростки Южного Лондона часто используют креольские грамматические формы, намекая на множество черных друзей и свое членство в их этнической группе. Однако плотность личных контактов не является определяющим фактором. Белые юноши, имеющие преимущественно белых друзей, весьма активны в кроссинге. Рэмптон описывал азиатского подростка, использующего креоль, не имея никаких контактов с афрокарибами.

Известный «случай Майка» в исследованиях Сесилии Катлер [6] находится в этом же ряду. В течении трех лет лингвист наблюдала над тринадцатилетним Майком, белым подростком, учеником частной средней школы, жителем престижного района Манхэттена, который начал использовать английский язык черных (АЯЧ, Black English Vernacular), носить одежду рэперов, пробывать наркотики, идентифицируя себя с представителями культуры хип-хопа. Несмотря на то что он проводил много времени на улицах Гарлема, Бронкса и Бруклина, друзей среди черных у него не было. В основном он общался с белыми, желающими «казаться» черными, или проживающими в афроамери-канских районах. Поэтому для него главными источниками информации были музыка и кино. Повзрослев и поступив в весьма консервативный колледж, Майк перестал употреблять языковой вариант черных, но его речь сохранила фонологию и лексику. При этом грамматические черты АЯЧ полностью отсутствовали. Это объясняется тем, что юноша практически не общался с черными сверстниками. Синтаксический компонент варианта труднее усвоить, нежели лексический и фонологический. В этом случае прослушивания музыки недостаточно; требуется тесное межличностное взаимодействие. Именно этим объясняется непопадание в «многонациональную» культуру хип-хопа грамматических моделей АЯЧ в отличие от лексических и фонологических.

Как правило, при кроссинге члены доминирующей группы заимствуют код меньшинства, но это не означает неучастия в нем представителей этнического меньшинства. У Рэмптона описаны случаи, когда черные подростки говорят на пенджаби, а азиаты – на креоле. Тем не

менее частота кроссинга у представителей большинства существенно выше. Считается, что европейцы и американцы выглядят «утратившими» этничность, а потому для них другие группы выступают в роли доноров.

Частота употребления кроссинга также различна. Рэмптон выделяет три разновидности пользователей креоля: минимальный; более экстенсивный, но шуточный; экстенсивный и серьезный [5. С. 207]. Респонденты-англичане в основном входят в первую группу, а азиаты попадают во все три, но в последней их число невелико. Это говорит о том, что кроссинг преимущественно совершается лишь время от времени и продолжительность его в зависимости от речевых ситуаций достаточно невелика.

Кроме протестной функции, кроссинг играет заметную роль в шуточных ритуалах, таких как словесные оскорбления. В этом отношении функции использования чужого кода и табуированного языка выглядят сходными. Однако ироническое значение кодового переключения не следует переоценивать. В большинстве случаев оно все же сигнализирует о желании принимать ценности, связанные с заимствованным кодом. Как отмечал Уильям Лабов: «Если группа говорящих использует некоторый языковой вариант, то на него переносятся и социальные ценности, присущие ей» [7. С. 25]. К примеру, Хьюит полагает, что история угнетения черного населения Америки связала АЯЧ с идеей освобождения, а черные подростки воспринимают свой язык как символ протестной городской культурой.

По причине распространенности в подростковой среде, кроссинг часто считают атрибутом молодежной культуры. И это отражается в языковой системе, где слова и выражения с сильными этническими коннотациями утрачивают их, становясь частью молодежного слэнга и мультикультурного тезауруса.

Например, в США для тинейджеров самых разных национальностей сленг хип-хопа является «кодом доступа» в престижную группу «urban cool». Такое присвоение ценностей кода вместе со стремлением к идентичности «urban youth» – главная причина кроссинга у американской молодежи среднего класса. Культура хип-хопа выступает важнейшим каналом передачи языковых элементов АЯЧ в общее пользование сообщества. Нередко этот процесс вызывает разочарование и недовольство у носителей АЯЧ как реакция на ассимиляцию моделей черной речи и забвения их этнического происхождения. Расхождение между черным и белым вернакуляром, разделяющим американское общество, С. Катлер объясняет желанием афроамериканцев всячески «закраться» от попыток имитации их речи белыми [6. С. 419].

Кроссинг может использоваться и в более сложных ситуациях. Социолингвист Чун [8] исследовала использование АЯЧ американски-

ми студентами корейского происхождения, для которых этот языковой вариант выражал силу и брутальность афроамериканского мужчины. Для них употребление АЯЧ служит вызовом господствующему в американском обществе стереотипу азиата-американца как не совсем мужественного «пассивного конформиста» [8. С. 58]. Стилистика протеста, заложенная в АЯЧ, становится средством изменения этнического и культурного стереотипа. Для пуэрториканцев, проживающих в США, АЯЧ также выступает важным языковым средством конструирования маскулинного образа. И, действительно, маскулинность в Америке связана с черными, а не белыми мужчинами. В исследованиях Фордхэма и Огбу [9] афроамериканские студенты даже белизну кожи связывали с гомосексуальностью. Известный киностереотип «white men can't jump» лишний раз показывает, что белые – физически слабые люди, «not cool» или «unhip» (происхождение этих слов афроамериканское). Мэри Бухольц [10] обнаружила, что молодежная культура в Высшей школе Калифорнии связывает «coolness» с черными студентами, а «чересчур белый» означает «не клевый». Интересно, что носители АЯЧ начинают отказываться от целого ряда слов, полагая, что, продолжая их употребление, становятся частью «белого мейнстрима».

Каким образом кроссеры осваивают чужой код? Первый путь – непосредственное участие в жизни смешанной группы сверстников. Второй, например, для белых представителей среднего класса – общение с белыми, проживающими в тех районах, где часто звучит речь иных этнических групп. Третий – масс-медиа (MTV, Black Entertainment Television) и, в особенности, Интернет. Поп-музыка, видеоклипы – «код доступа» евроамериканцев к АЯЧ, а музыка регги в Великобритании – англичан к креолу.

Нужно сказать, что кроссинг не связан с желанием по настоящему стать частью иной этнической группы. Скорее кроссеры ощущают себя ее потенциальными членами, лишь имитируя чужую этническую принадлежность. Основная функция кроссинга, «сопровождаемого острым ощущением преодоления социальных или этнических границ» [11. С. 291] – бросить вызов общественным ожиданиям, касающимся этничности. Его нельзя считать радикальной деконструкцией этнической принадлежности человека, но он весьма близок «еретическому дискурсу» Пьера Бурдьё, который «изолирует от мира здравого смысла, публично провозглашая разрыв с привычным порядком» [12. С. 129].

Дискуссионное поле и современное состояние

Феномен кроссинга содержит ряд проблем, на которые следует обратить особое внимание. Прежде всего, субъект, использующий

кроссинг, рискует не получить признание своего стилизованного образа «Я» ни со стороны сверстников своей группы, ни чужой. Необходимо быть осторожным, ограничивая аудиторию лишь кругом близких друзей. К примеру, Хьюит отмечал, что белые дети не использовали креоль в разговорах с черными, пока не были убеждены в их дружеском расположении. Вообще же, использование в кроссинге чужого голоса связано с проблемой правоспособности лица, выполняющего такое действие.

К примеру, если молодой житель Лондона стилизует *posh* или *soskney*, а носитель местного варианта английского бенгальского происхождения – индийский английский (*Indian English*), то оба будут говорить с сильным акцентом, который никогда не используют в повседневном разговоре с друзьями. При этом никто не обвинит их в воровстве чужих языковых ресурсов или отсутствии права их использовать. Однако же применение *Indian English* белыми и черными детьми или употребление карибского креоля белым и азиатом будет связано с определенным риском. Расовая политика повышает порог чувствительности к этнолингвистическим границам. Бен Рэмптон отмечает: «И когда реципиент, вовлеченный в кроссинг, осознает расхождение между голосом и этническим происхождением говорящего, вслед за вполне мирным вопросом “почему это сказано сейчас?” у него может последовать агрессивный этнополитический – “по какому праву?”» [13. С. 152–153]. Политический контекст способен разрушить изначальный план коммуникации, порождая расистские инсинуации.

Именно с этим аспектом связана проблема моральной оценки рассматриваемого коммуникативного поведения. Мы можем поставить вопрос: воспроизводит ли кроссинг социальное неравенство и различия в обществе либо нацелен на их преодоление?

Данная практика проблематизирует этничность как врожденную сущность. Этническому происхождению, с его серьезным ортодоксальным авторитетом в обществе, постоянно угрожают подростки, заимствующие в лиминальных ситуациях «чужие» этничности. Кроссинг выступает формой «политического действия [которое]... имеет целью создать или уничтожить группы... формируя, воспроизводя или разрушая [ментальные, вербальные, визуальные или театральные] представления, которые делают их “видимыми” для себя и других» [12. С. 127]. Рэмптон отмечает, что «молодые люди, используя смешанный языковой код, протестуют против расовых границ и утверждают новую безрасовую этничность» [5. С. 323].

Однако же существует вероятность весьма скептического отношения к такого рода заявлениям. В ряде случаев кроссинг непосредственно указывает на расистский подтекст. Хьюит приводит примеры такого положения дел в Южном Лондоне. Первый – избыточное использование креоля белыми как нарочитое пародирование речи черных. Второй – употребление креольских форм (особенно инвектив) белыми

полицейскими при обращении к черным. В случае Майка, несмотря на серьезность кроссинга, в интервью подросток отпускал множество расистских шуточек по поводу афроамериканцев.

Следует признать, что присвоение образа «черного» как важного конститутивного элемента «белой» идентичности наблюдается в США уже на протяжении более 150 лет. И вполне допустимо говорить о том, что кроссинг в афроамериканский языковой код вызывает расистские коннотации. Ведь даже если признать легкий и игровой характер высказывания, то его последствия способны усиливать расистское давление.

Самым главным в этом вопросе следует признать отношение к кроссингу той этнической группы, чей код заимствуется. Как в Америке, так и Британии эта реакция преимущественно негативная. Зачастую кроссинг воспринимается как воровство, незаконное использование ресурса. Казалось бы, позитивный посыл кроссинга со стороны представителя большинства выражен максимой: «Заимствуя, я проявляю уважение к вашей культуре, отдавая отчет, что все это – ваше, а не мое». Однако это весьма трудно объяснить тем, кто освободился от рабства и геноцида лишь несколько десятилетий тому назад. Черные полагают, что белые получают психологические, социальные и экономические дивиденды от языка и культуры, рожденных группой в борьбе за свою независимость. Меньшинство воспринимает кроссинг как попытку со стороны большинства жестко контролировать чуждый языковой ресурс, навязывая несвойственную ему семантику.

В этой связи достаточно амбивалентными выглядят исследования Катлер и Бухольц, в которых воспроизводится расхожий стереотип об афроамериканском мужчине как социально опасном субъекте. Нужно сказать, что в американской лингвистике исследования АЯЧ сводились в основном к языку улицы. При этом без внимания оставались другие стили афроамериканской культуры, которая «говорит» не только языком улиц. В ней существует широкий диапазон: от стилей среднего класса до высоких поэтических стилей, представленных в произведениях лауреатов Нобелевской премии Дерек Уолкотта и Тони Моррисон. «Стирание» этих различий в афроамериканских мужских стилях постоянно воспроизводит стереотип черного мужчины, связанный с насилием.

Следует отметить, что Рэмpton в своих ранних работах относился к кроссингу как к поверхностной форме этнической идентификации, в большей степени связанной с понятием «кульности» (Cool). В последнее десятилетие исследователи больше не связывают кроссинг с сиюминутным эстетическим эффектом: «Мы отвергаем тот факт, что языки можно носить и легко сбрасывать словно метросексуальное снаряжение» [14. С. 152–153]. Кроссинг постепенно перестает восприниматься как маргинальный или альтернативный способ бытия в языко-

вой среде, свойственный исключительно молодежи. В исследованиях 1990-х гг. в Нью-Йорке Хьюит утверждал, что использование креоля белыми строго ограничивалось их подростковым возрастом, а Катлер отрицала возможность обнаружения следов АЯЧ в речи повзрослевшей молодежи среднего класса.

Тем не менее кроссинг начинает стремительно распространяться по всему миру, вне зависимости от географического региона и использующей его возрастной группы. В настоящее время его можно встретить в масс-медиа, социальных сетях, маркетинге, рекламе, политическом публичном дискурсе. В таком случае имеет ли смысл ограничивать кроссинг какими-либо географическими или социальными пространствами? Недавние панельные исследования датского социолингвиста Мёллера в Копенгагене, охватывающие речь билингвов на протяжении 17 лет, показывают, что полиязычные языковые практики сохраняются у молодых людей вплоть до 25–26 лет, а языковые средства турецкого и датского языков становятся привычными компонентами их повседневной речи [15. С. 235]. В своих последних статьях проявляет осторожность и сам Бен Рэмpton, отмечая, что «несмотря на большой интерес социолингвистики к разноречию среди молодежи, ощущается серьезный пробел в наших знаниях по поводу оценки долговечности таких практик» [16. С. 152–153].

Недавние исследования Рэмптона показывают, что смешение кокни, креоля и пенджаби в Великобритании за последние 25–30 лет становится нормой, превращаясь в стиль речи, используемый людьми на протяжении всей жизни. В связи с этим понятие «молодежный язык» теряет адекватность при описании кроссинга, что требует перехода к новым категориям «мультикультурного (лондонского) английского» или «многонационального вернакуляра», представляющего собой гибрид стандартного английского, традиционных местных вариантов социолекта рабочего класса (кокни, брумми, джорди), языков местных иммигрантских диаспор (ямайского креоля, пенджаби, бенгали, турецкого и т.д.). А говорящие в этой ситуации свободно выбирают те или иные речевые ресурсы в зависимости от их коммуникативных целей, стилей жизни, классовых и гендерных особенностей.

В настоящее время кроссинг становится рутинной языковой практикой. Еще совсем недавно социолингвисты резко отделяли стилизованное языковое поведение от повседневного. Степень внимания говорящего к своей речи являлась для У. Лабова основанием их разделения. Экспрессивные языковые практики (подобные кроссингу), в противоположность стереотипным, требуют рефлексивного дистанцирования. Диалектологию и вариационизм интересовала спонтанная речь, а прагматику и интеракционизм – стилизованная. В настоящее время подобное разделение лишается смысла, поскольку экспрессивные практи-

ки становятся интегральной частью единого социолингвистического процесса. Другими словами, если ранее кроссинг и стилизация воспринимались как анархические формы языкового поведения, то в настоящее время они – естественная часть «современного городского вернакуляра» [16. С. 291], в котором они мирно сосуществуют с рутинными речевыми практиками. В пространстве такого «вернакуляра», как в привычной, так и стилизованной речи, постоянно происходит присвоение говорящими различных стилей, регистров, языков из внешней окружающей их среды.

Заключение

Сталкиваясь с феноменом кроссинга, мы имеем больше вопросов, нежели ответов. Современная социолингвистика не может точно определить степень долговечности и значимости подобных коммуникативных практик в жизни как индивида, так и всего сообщества. Возможно, они прекращаются, когда представители меньшинства проходят стадию ассимиляции к языковым нормам большинства, и тогда подобное разноречие окажется лишь короткой переходной стадией более длительного процесса языкового сдвига. Возможно, что кроссинг является феноменом языкового поведения отдельно взятой группы говорящих, а быть может – показателем целой историко-культурной формации.

Теория «кроссинга» имеет большую значимость при анализе наиболее существенных современных социальных и культурных изменений. И социальные науки, и общественные институты приходят к осознанию того, что традиционные социальные и этнические классификации больше не способны объяснять тектонические процессы современной многоязычной городской среды. При анализе полиэтничности особую важность приобретают местные неформальные разновидности социального речевого взаимодействия, которые мало доступны для социальной науки. Исследование кроссинга требует развития лингвистического этнографического анализа, нацеленного на изучение локальных, скрытых и малопонятных коммуникативных практик.

Необходимо расширить анализ данного феномена за пределы этничности и молодежной культуры, поскольку в кроссинге широко тематизируются классовые, гендерные, возрастные и культурные проблемы. Понятие «кроссинг» связано с границами традиционных межэтнических отношений и возможностью их пересмотра. Анализ подобных языковых процессов способствует пресечению враждебности между группами и предотвращению этнических конфликтов. Необходимость детального изучения языковой стилизации имеет важнейшее значение для исследований процессов языкового изменения и языкового развития личности.

Литература

1. *Тернер В.* Символ и ритуал. М. : Наука, 1983.
2. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений. М. : Языки славянской культуры, 2002. Т. 6.
3. *Pratt M.L.* Linguistic Utopias // The Linguistics of Writing. Manchester : Manchester University Press, 1987.
4. *Hewitt R.* White Talk Black Talk: Inter-Racial Friendship and Communication Amongst Adolescents. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1986.
5. *Rampton B.* Crossing: Language and Ethnicity Among Adolescents. New York : Longman, 1995.
6. *Cutler C.* Yorkville crossing: white teens, hip hop, and African American English // Journal of Sociolinguistics. 1999. Vol. 3.
7. *Chun E.* The construction of White, Black, and Korean American identities through African American Vernacular English // Journal of Linguistic Anthropology. 2001. № 11.
8. *Labov W.* Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1972.
9. *Fordham S., Ogbu J.* Black students' school success: coping with the burden of acting white // Urban Review. 1986. № 18.
10. *Bucholtz M.* The whiteness of nerds: superstandard English and racial markedness // Journal of Linguistic Anthropology. 2001. Vol. 11.
11. *Rampton B.* Language crossing and the redefinition of reality - Code-Switching in conversation. London ; New York : Routledge, 1998.
12. *Bourdieu P.* Language and Symbolic Power. Oxford : Polity Press, 1990.
13. *Rampton B.* Interaction ritual and not just artful performance in crossing and stylization // Language in Society. 2009. Vol. 38 (2).
14. *Otsuji E., Pennycook A.* Metrolingualism: fixity, fluidity and language in flux // International Journal of Multilingualism. 2010. № 7 (3).
15. *Møller J.S.* Polylingual performance among Turkish-Danes in late-modern Copenhagen // International Journal of Multilingualism. 2008. Vol. 5 (3).
16. *Rampton B.* From 'Multi-ethnic adolescent heteroglossia' to 'Contemporary urban vernaculars' // Language & Communication. 2011. Vol. 31.

Сведения об авторе:

Найман Евгений Артурович – доцент, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии и логики Томского государственного университета, Томский научный центр СО РАН (Томск, Россия). E-mail: enyman17@rambler.ru

Поступила в редакцию 27 августа 2017 г.

LANGUAGE CROSSING AS A FORM OF POLYLINGUAL COMMUNICATIVE BEHAVIOR

Naiman E.A., Doctor of Philosophical Sciences, Docent, Professor of Tomsk State University, Tomsk Scientific Center SB RAS (Tomsk, Russia). E-mail: enyman17@rambler.ru

DOI: 10.17223/19996195/39/17

Abstract. The paper turn its focus towards a practice it calls “language crossing” and a number of related issues. This article looks at how sociolinguistic analysis can contribute to sociological discussions about race, ethnicity, socialisation and language identity. Language crossing is an important phenomenon in human history and the development of culture. Ben Rampton describes language crossing as the practice of using a language variety that belongs to

another group. Crossing includes a wide range of sociolinguistic practices and intersects with notions of “stylization”, “code-switching” and “mixed code”. This paper links language crossing with Turner’s theory of liminality, Bourdieu’s discussion of heretical discourse and Gumperz’s idea of metaphorical code-switching. The general aim of the article is to understand how and why individuals are motivated to employ the language variety of another group. This paper is based on recent detailed sociolinguistic research on crossing among young people in multi-ethnic urban areas of Britain and USA and describes how groups of multi-racial adolescents in a different communities mix their use of Creol, Pendjabi, Asian English and Black English. This article focusing on the functions of a crossing in multilingual groups. The young people used the mixed codes to contest racial boundaries and assert a new ethnicities. Language crossing constitutes an antiracist practice and is emblematic of young people striving to redefine their identities. This article states that at present there is a significant turn in the estimation of crossing. Crossing and stylisation were strongly linked to speech practices of young people. But now the practices of crossing can all be considered as part of contemporary polylingual urban vernacular.

Keywords: sociolinguistics; language identity; language crossing; stylization; code-switching; mixed code; liminality; heretical discourse.

References

1. Terner V. (1983) Simvol i ritual [Symbol and ritual]. M.: Nauka.
2. Bakhtin M.M. (2002) Problemy poetiki Dostoyevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics] // Bakhtin M.M. Sobraniye sochineniy. M.: Jazyki slovyanskoy kul'tury. Vol. 6.
3. Pratt M.L. (1987) Linguistic Utopias // The Linguistics of Writing. Manchester : Manchester University Press.
4. Hewitt R. (1986) White Talk Black Talk: Inter-Racial Friendship and Communication Amongst Adolescents. Cambridge; New York : Cambridge University Press.
5. Rampton B. (1995) Crossing: Language and Ethnicity Among Adolescents. New York : Longman.
6. Cutler C. (1999) Yorkville crossing: white teens, hip hop, and African American English // Journal of Sociolinguistics. Vol. 3.
7. Chun E. (2001) The construction of White, Black, and Korean American identities through African American Vernacular English // Journal of Linguistic Anthropology. 11.
8. Labov W. (1972) Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular. Philadelphia : University of Pennsylvania Press.
9. Fordham S., Ogbu J. (1986) Black students' school success: coping with the burden of acting white // Urban Review. 18.
10. Bucholtz M. (2001) The whiteness of nerds: superstandard English and racial markedness // Journal of Linguistic Anthropology. Vol. 11.
11. Rampton B. (1998) Language crossing and the redefinition of reality - Code-Switching in conversation. London ; New York : Routledge.
12. Bourdieu P. (1990) Language and Symbolic Power. Oxford : Polity Press.
13. Rampton B. (2009) Interaction ritual and not just artful performance in crossing and stylization // Language in Society. Vol. 38 (2).
14. Otsuji E., Pennycook A. (2010) Metrolingualism: fixity, fluidity and language in flux // International Journal of Multilingualism. 7 (3).
15. Møller J.S. (2008) Polylingual performance among Turkish-Danes in late-modern Copenhagen // International Journal of Multilingualism. Vol. 5 (3).
16. Rampton B. (2011) From ‘Multi-ethnic adolescent heteroglossia’ to ‘Contemporary urban vernaculars’ // Language & Communication. Vol. 31.

Received 27 August 2017